

смены политических циклов. И хотя основанием для сверхцентрализации является то, что она якобы позволяет создать объективные и честные механизмы контроля в противовес развитому на местах кумовству и фаворитизму, на практике нередко получается наоборот: большинство решений принимается в результате непрозрачных операций и обмена политическими одолжениями.

Тем временем в вузах доминируют интересы политических партий. Ими руководствуются даже при выборе представителей студенческих советов и административных сотрудников вузов. Создается впечатление, что именно партийная принадлежность студентов и сотрудников определяет многие аспекты их профессиональной жизни — от получения хороших оценок или повышения в должности до возможности устроиться на работу друзей или родственников. Однако влияние партийной идеологии на высшее образование этим не ограничивается. Местные политики успешно лоббируют открытие в своих регионах все новых вузов вне зависимости от того, нужны ли они на самом деле; руководители профсоюзов оказывают давление на вузы, с тем чтобы те нанимали сотрудников, принадлежащих к «правильной» партии; предприниматели борются за получение выгодных контрактов на развитие инфраструктуры университетов или оказание услуг. Результат всех этих махинаций, которые так распространены в Греции, заключается в том, что греческие вузы неэффективны и тратят слишком много денег, а качество образования при этом оставляет желать лучшего.

Провал реформ и откат назад

Было бы логично предположить, что реформу греческой системы высшего образования следовало бы начать с решения именно этих двух описанных выше проблем. Последняя попытка была предпринята в 2011 году, и действительно одной из основных ее задач стало изменение роли партийной политики в процессе управления вузами. Однако принятое новое законодательство так и не было реализовано до конца, а правительство так и не выработало долгосрочный всеобъемлющий план по модернизации и повышению международной конкурентоспособности высшего образования Греции. В итоге реформа завязла из-за силового противоборства между вузами и разногласий по мелочам, таким как максимально допустимое время на завершение учебной программы. А избранное недавно новое правительство и вовсе заявило о своем желании отменить последнюю реформу и вернуться к предыдущему законодательству и докризисному статус-кво.

Качели греческих образовательных реформ сбивают с толку. Значительная доля греческих ученых и интеллектуалов, которые высказались против планов действующего правительства, считают новую политику ревизионистским откатом, в основе которого лежат утратившие актуальность левацкие идеи.

Но на самом деле существуют и более глубокие причины, которые привели в условиях финансового кризиса к сворачиванию многих реформ. Убедительных доводов в пользу необходимости реформ и их долгосрочного положительного эффекта, нет. Многие, в том числе члены нового правительства, считают разговор о реформах лишь дымовой завесой, которая скрывает истинные, исключительно финансовые обоснования сокращения госрасходов с целью выплаты старых долгов или в качестве попытки перекроить баланс сил в вузах. В этом смысле ситуация в греческом высшем образовании отражает ситуацию в стране в целом: люди все с большим подозрением относятся к каким бы то ни было реформам, видя в них попытку установить внешний контроль и ввести более жесткие экономические меры. Любая реформа, которой не дано ясного обоснования и которая не имеет четкого долгосрочного плана, обречена на то, что она будет воспринята с подозрением, а ее реализация встретит стойкое сопротивление.

Непубликующиеся преподаватели европейских университетов

Марек Квик

Марек Квик — директор Центра изучения публичной политики и заведующий кафедрой ЮНЕСКО по изучению политики в сфере высшего образования и институциональным исследованиям Познаньского университета, Польша. E-mail: kwiekt@amu.edu.pl.

В европейских университетах преподаватели вузов, которые работают на полную ставку, но при этом не занимаются исследовательской работой, не считаются членами научного сообщества. Отсутствие публикаций означает отсутствие исследований. Но может ли университет в традиционном европейском понимании не заниматься исследованиями? В вузах Европы работают несколько сотен тысяч людей, которые не пишут статей. Можно ли утверждать, что они являются полноправными участниками академического сообщества в условиях массовизации высшего образования, которую мы наблюдаем в последнее время?

Данные, на которые я буду ссылаться, были получены в ходе исследований «Динамика академической профессии» (CAP) и «Академическая профессия в Европе» (EUROAC). Я собрал подвыборку (N=8886)

по 11 странам: Австрии, Великобритании, Германии, Ирландии, Италии, Нидерландам, Норвегии, Польше, Португалии, Финляндии и Швейцарии. В число респондентов вошли преподаватели университетов, которые работают на полную ставку и занимаются научной работой.

Межстрановые различия

В университетах Польши исследованиями не занимается более 40% преподавателей вузов, в Финляндии, Португалии, Норвегии и Германии — 15–20%, в Ирландии, Италии, Голландии и Великобритании — менее 10%. Согласно опросам, в разных странах в 2007 или 2010 году доля преподавателей, которые работают на полную ставку, указавших, что они не занимаются научной работой, составила: в Голландии — 2,7%, в Италии — 5,4%, в Великобритании — 5,7%, в Ирландии — 9,1%, в Швейцарии — 12,4%, в Германии — 15,4%, в Норвегии — 15,9%, в Португалии — 18,3%, в Финляндии — 20,2%, а в Польше — целых 43,2%. Результат для Австрии составил 72,2%, однако он представляется сомнительным, поэтому далее говорить об этой стране мы не будем.

Различия академической и институциональной культуры высшего образования разных стран оказывают влияние на продуктивность ученых. Вузы с низкой академической репутацией могут не придавать большого значения научной работе, а университеты с высокими академическими показателями, наоборот, прилагают усилия для того, чтобы их сотрудники более активно участвовали в исследовательской работе, и разрабатывают соответствующие нормативные процедуры. Аналогичным образом могут отличаться и предпринимаемые усилия в масштабах отдельных стран. Ярким примером этого до начала недавних реформ являлась Польша. С одной стороны, в условиях массовизации высшего образования увеличение численности преподавателей, которые не занимаются наукой, не должно удивлять. Однако тот факт, что в Польше их доля превышает 40% всего профессорско-преподавательского состава вне зависимости от возрастной группы и специализации, показывает, насколько глубоким оказался разрыв между ценностями, сформировавшимися в польской академической среде, и традиционными для Европы представлениями о совмещении преподавательской и научной работы.

Общие характеристики непубликующихся преподавателей

Можно выделить некоторые характеристики, которые объединяют преподавателей европейских вузов, не участвующих в научной деятельности. Неудивительно, что в полной выборке (N=17 212) их оказалось гораздо больше в неуниверситетском секторе, а также среди преподавателей, работающих на условиях частичной занятости. За исключением Германии и Польши, в других выбранных странах женщин, не занимающихся научной работой, примерно в полтора

раза больше, чем мужчин (хотя в Нидерландах это соотношение еще выше: 7,7% среди женщин против 1,3% среди мужчин, а в Швейцарии составляет рекордные 23,5% против 7,8%).

Если говорить о возрастном распределении, то, как ни странно, самая большая доля преподавателей, которые не занимаются наукой, наблюдается в возрастной группе до 40 лет. Исключение составляют Польша, Италия и Великобритания: там таких преподавателей больше всего в самой старшей возрастной группе — 60+. Если вести речь о научных областях, преподавателей, которые не занимаются наукой, больше всего среди представителей инженерных специальностей. Их число достигает 40% в Финляндии и 35% в Германии, двух странах с очень высокой долей патентов.

Непубликующиеся, редко публикующиеся и часто публикующиеся преподаватели

Несмотря на то что существует различие между теми, кто вообще не участвует в научной деятельности, и теми, кто в ней участвует мало (публикует не более четырех научных статей в течение трех лет), обе эти группы существенно снижают средний уровень научной продуктивности страны.

В целом на представителей этих двух групп приходится около 30% общего числа профессорско-преподавательского состава голландских и итальянских вузов и 60–70% преподавателей польских, норвежских, финских и португальских университетов. В Германии, Швейцарии, Ирландии и Великобритании их доля составляет около 50%.

Доля активных исследователей (публикующих по 10 и более статей каждые три года) также существенно различается в зависимости от страны: в Нидерландах и Италии их около 40%, в Швейцарии и Германии — около 30%, в других странах в среднем по 16–22%, и замыкает список Польша со всего 13%. Таким образом, наиболее продуктивные в научном плане страны — Нидерланды и Италия — могут похвастаться самым большим числом активных авторов и самым маленьким числом преподавателей, которые вообще не занимаются наукой.

Очевидно, что низкая заинтересованность преподавателей вузов Польши, Финляндии и Португалии в участии в научной деятельности будет ставить под угрозу глобальную научную конкурентоспособность университетов этих стран до тех пор, пока не будут приняты необходимые меры по регламентированию их работы.

Должны ли преподаватели публиковаться?

Понятно, что в эпоху массового высшего образования не стоит ожидать, что все преподаватели в европейской системе высшего образования будут заниматься наукой. А вот к преподавателям университетов подобное требование вполне применимо. Престиж

европейских вузов практически напрямую зависит от их научной продуктивности. Университетских преподавателей, которые не занимаются наукой, стоит либо переводить в вузы другого типа, либо заставлять расстаться с академической профессией. В условиях перехода большинства европейских стран на конкурсную систему финансирования науки непродуктивным исследователям может просто не хватить места в университете.

Рост социальной стратификации

Социальная стратификация среди представителей академического сообщества возрастает. Как показывает проведенный анализ, 10% наиболее продуктивных ученых европейских университетов производят примерно 4 из каждых 10 статей (41,5%), а первые 20% ученых производят примерно 6 из 10 (61,2%) всех статей. Остальные 80% исследователей пишут лишь около 4 из 10 статей, или 38,8%. Если разделить всех европейских ученых, которые в той или иной мере занимаются наукой, примерно пополам, то окажется, что на одну половину приходится 91,5% всех статей, а на другую — менее 9%.

Университетских преподавателей, которые не занимаются наукой, стоит либо переводить в вузы другого типа, либо заставлять расстаться с академической профессией.

Ученые с высокой, средней и низкой производительностью по итогам научной деятельности всегда получают разные индивидуальные результаты. Как писал Джон Зиман в своей книге *Prometheus Bound: Science in a dynamic steady-state* (1994), наука — это «безжалостная гонка, в которой некомпетентность, показателем которой является стабильно низкая научная продуктивность, ведет к застопориванию системы».

Действительно, преподаватели европейских и особенно польских университетов, которые не занимаются наукой, могут вскоре привести к застопориванию системы в целом. Продолжающийся рост социальной стратификации среди представителей академического сообщества будет оказывать значительное влияние на политику вузов в отношении привлечения и удержания академического персонала, а также систему оценки результатов работы академических сотрудников.

.....

Слияния вузов в Европе

Томас Эстерманн, Энора Беннето-Прюво

Томас Эстерманн — директор по вопросам финансирования, управления и выработки публичной политики Европейской ассоциации университетов (EUA). E-mail: thomas.estermann@eua.be.

Энора Беннето-Прюво — руководитель программ EUA. E-mail: enora.pruvot@eua.be.

Полный текст доклада доступен на сайте EUA: http://www.eua.be/Libraries/Publications_homepage_list/DEFINE_Thematic_Report_2_University_Mergers_in_Europe_final.sflb.ashx.

Слияния и объединения вузов не новый для Европы феномен. Они являются одним из ответов на такие драйверы изменений, как глобализация, интернационализация, погоня за качеством образования и развитием новых методов обучения, распространение рейтингов, рост роли науки и инновации и, конечно, требований постоянно меняющейся экономики. Идея о том, что крупные вузы выигрывают от эффекта масштаба и могут более рационально использовать имеющиеся ресурсы, стала одним из двигателей этого процесса. Однако масштабных исследований этого феномена ни на системном, ни на институциональном уровне пока не было. Европейская ассоциация университетов (EUA) провела исследование, анализирующее эти процессы в высшем образовании 25 европейских стран с точки зрения выявления основных причин слияний, их эффективности и успешности.

Для развития взаимодействия между европейскими университетами существует широкий спектр инструментов — от совместных исследовательских проектов до стратегических альянсов. Слияние — сложный процесс, который ведет либо к появлению совершенно новых юридических лиц, либо к формированию сплоченных объединений, в которых участвует несколько вузов.

За период с 2000 по 2015 год в 25 рассматриваемых европейских странах было зафиксировано около 100 слияний. Причем если в 2000–2006 годах происходило по 3–5 слияний в год, то в 2007–2012 годах — уже по 7–8, а в 2013 и 2014 годах — по 12 и 14 соответственно.

Прирост, начавшийся в 2007 году, связан с образовательными реформами, проводившимися тогда в ряде стран: волна слияний прошла в Дании в 2007 году, во франкоязычной части Бельгии — в 2009–2011 годах, в нидерландоязычной — в 2013 году. Серия крупных слияний прокатилась и по Франции в 2014–2015 годах в рамках общего тренда по созданию университетских сообществ (кооперативных организаций федеративного типа).